

УДК 340.12

DOI: 10.24412/2076-9113-2026-262-102-113

Т. А. Копликов

Институт законодательства и сравнительного правоведения
при Правительстве Российской Федерации,
Москва, Российская Федерация,
tkoplikov@mail.ru

ТРАНСФОРМАЦИЯ ВЗГЛЯДОВ НА ИНСТИТУТ ЮРИДИЧЕСКОГО КОНФЛИКТА: ОТ МИФОЛОГИЧЕСКИХ ИДЕЙ К ЦИФРОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ (ИСТОРИКО-ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ)

Аннотация. В работе представлен историко-теоретический анализ эволюции доктринального понимания института юридического конфликта в социальной и правовой мысли, в целях выявления основных исторических этапов развития в осмыслении конфликта и его закрепления как института в рамках юридической науки. Особое внимание уделяется становлению конфликта как самостоятельного объекта научного познания в рамках классической социологии и современных конфликтологических школ, а также его концептуализации в отечественной юриспруденции. На основе проведенного исследования сделаны выводы об исторической трансформации понимания института юридического конфликта под влиянием общественных факторов разных эпох развития государства и права, а также выявлены основные этапы становления и закрепления юридической конфликтологии как научного направления.

Ключевые слова: юридический конфликт; конфликтология; социология права; правовое регулирование; историческое развитие.

UDC 340.12

DOI: 10.24412/2076-9113-2026-262-102-113

T. A. Koplikov

Institute of Legislation and Comparative Law
under the Government of the Russian Federation,
Moscow, Russian Federation,
tkoplikov@mail.ru

TRANSFORMATION OF VIEWS ON THE INSTITUTE OF LEGAL CONFLICT: FROM MYTHOLOGICAL IDEAS TO DIGITAL REALITY (HISTORICAL AND THEORETICAL RESEARCH)

Abstract. The paper presents a historical and theoretical analysis of the evolution of the doctrinal understanding of the institution of legal conflict in social and legal thought, in order to identify the main historical stages of development in understanding conflict and its consolidation as an institution within the framework of legal science. Special attention is paid to the formation of conflict as an independent object of scientific knowledge within the framework of classical sociology and modern schools of conflict, as well as its conceptualization in Russian jurisprudence. Based on the conducted research, conclusions are drawn about the historical transformation of the understanding of the institution of legal conflict under the influence of social factors of different eras of the development of the state and law, and the main stages of the formation and consolidation of legal conflictology as a scientific field are identified.

Keywords: legal conflict; conflictology; legal sociology; legal regulation; and historical development.

Введение

Актуальность темы исследования обоснована фундаментальной ролью конфликта как неотъемлемой составляющей социальных систем и одновременно ключевого фактора их динамики. Несмотря на обширную историографию, комплексный анализ трансформации концепции юридического конфликта в длительной исторической перспективе, связывающий античные и современные вызовы, остается достаточно востребованным, поскольку в современных условиях ускоренной глобализации, цифровой трансформации и усложнения общественных отношений юридический конфликт перестает быть периферийным элементом правовой действительности, превращаясь в центральный объект управления и прогнозирования дальнейшего развития общественных отношений.

Подобный вид конфликта, будучи неотъемлемым элементом правовой реальности, выступает и как индикатор системных противоречий, и в качестве необходимого условия для устойчивого развития правового государства, в связи с чем понимание исторической эволюции конфликта и его историко-

теоретических основ является актуальным и ключевым для разработки эффективных механизмов предупреждения и разрешения правовых конфликтов в условиях новых социальных вызовов и возрастающей роли конфликтогенных факторов в современном обществе, характеризующемся высокой социальной напряженностью и возрастающей цифровизацией.

Методы исследования

Методологическую основу настоящего исследования составляет комплекс общенаучных и специальных методов познания. Ведущим является историко-правовой метод, позволяющий изучить генезис и эволюцию представлений о конфликте в их хронологической последовательности и взаимосвязи с конкретными социально-экономическими и политико-правовыми условиями каждой анализируемой эпохи. С его помощью в работе реконструируются взгляды мыслителей и исследователей от Античности до современности. Сравнительно-правовой метод используется для сопоставления различных теоретических подходов к пониманию конфликта, выявления их общих черт, различий и специфики. Системный метод применяется для рассмотрения юридического конфликта как элемента сложной социально-правовой системы, анализа его функций, структуры и взаимосвязей с другими институтами, такими как государство, право и мораль. Формально-логический метод (анализ, синтез, индукция, дедукция) используется автором для обработки полученного теоретического материала и формулирования выводов исследования, а метод теоретико-правовой реконструкции позволяет воссоздать целостные концепции мыслителей прошлого на основе их сохранившихся трудов и интерпретаций, интегрируя их в общую картину эволюции правовой мысли.

Основное исследование

Первые попытки осмысления конфликта уходят корнями в мифологическое сознание. Упоминания о столкновениях и антагонизмах в человеческом сообществе содержатся в древнейших письменных источниках, что позволяет утверждать о первичной интегрированности конфликта в систему представлений человека о мироустройстве.

В древних космогонических мифах (например, вавилонский миф «Энума элиш») миропорядок (космос) рождается из хаоса через грандиозное столкновение божественных сил [1, с. 35–58]. По сути, в одном из первых дошедших до нашего времени источников о самом явлении столкновений (конфликтов) данное явление изначально рассматривалось человеком не как негативный феномен, а как необходимое и созидающее начало и причина общественного порядка.

Подобная космологическая модель получила развитие в философии Гераклита, который рассматривал войну (полюмос) (с современной точки зрения — международный вооруженный конфликт) как всеобщий закон мироздания и «отца всего» [12, с. 98–106]. В своих идеях философ рассматривал острый социальный конфликт в качестве абсолютного источника движения, изменения и развития общества, то есть его неотъемлемой части, способной привести общество к состоянию равновесия при наличии борьбы противоположных взглядов по поводу какой-либо социальной сферы и/или проблемы.

Подобная историческая модель понимания конфликта находит отражение и у некоторых наших современников, которые утверждают, что «любой конфликт неразрывно связан с войной... любая война — это и есть конфликт» [25, с. 188].

Параллельно с древневосточным формировалось прагматическое понимание конфликта как проблемы социального устройства. Основоположник восточного философского течения конфуцианства, известный как Конфуций, связывал общественные конфликты с нарушением этико-ритуального порядка (ли) и моральным упадком социальной группы и индивида в отдельности, предлагая в качестве решения подобной проблемы не формальное законодательство, а в первую очередь нравственное воспитание, что соответствует общей тенденции восточной культуры [24, с. 142–196].

Соответственно, древняя восточная мысль усматривала основную причину социальных распрей в человеческих пороках (например, зависть и алчность), а способом разрешения подобной проблемы предлагала разработку и закрепление справедливых государственных законов, необходимых для общественного согласия. При этом акцент смещался с развития этики (духовного аспекта) как единственного инструмента сдерживания конфликтов на необходимость разработки системы публичного законодательства, способного регулировать социальные конфликты.

Системной глубины политико-правовая мысль достигла в работах наиболее видных античных философов — Платона и Аристотеля.

Платон в своих трудах связывал социальный конфликт (стасис) с нарушением принципа общественной справедливости, понимаемой им как наличие в государстве четкой и функциональной иерархии власти, состоящей из уполномоченных сословий (правители-философы, воины-стражи и ремесленники-земледельцы). Позднее идеи философа стали более радикальными и нацеленными на необходимость разработки и закрепления тотальной системы правовых норм, которая предотвращала бы любые общественные противоречия и столкновения через всеобъемлющую регламентацию как публичной, так и частной жизни граждан [21, с. 147–157].

В свою очередь, Аристотель осуществил первую системную классификацию причин конфликтов, выделив материальные (экономические), психологические и политико-правовые (нарушение равенства и справедливости). Философ рассматривал право в качестве «уравнивающего начала» и меру справедливости, подчеркивая его регулятивную функцию [9, с. 38–53]. Государство и право

трактовались ученым в качестве естественных инструментов регулирования общественных отношений, а наиболее приемлемым способом предотвращения конфликтов являлось верховенство закона и укрепление уровня жизни среднего класса.

Намеченный греческими философами теоретический и системный подход был наиболее полно реализован в классическом римском праве.

Римское право осуществило формализацию и процедурность разрешения конфликтов, окончательно отделив право от морали и религии. Разработка четких процессуальных форм, принципов состязательности и формального равенства сторон привела к становлению права как автономной системы регулирования споров, где конфликт был институционализирован в рамках судебной процедуры, в связи с чем его разрешение превратилось из акта общественного произвола или морального выбора в формализованную процедуру применения абстрактных правовых норм юрисдикционными органами [14].

С утверждением христианства конфликт был переосмыслен в теологическом ключе. Если античная правовая мысль искала причину и легитимацию конфликта в сфере человеческого устройства: в пороках политического строя, отступлении от принципов справедливости или естественной конкуренции социальных групп, — то средневековая доктрина переносит его в иную нормативную плоскость. Конфликт перестает оцениваться преимущественно в категориях публичного права (*jus publicum*) или нарушения общественного равновесия, а обретает статус проблемы, чья правовая квалификация и окончательная оценка выводятся из теологического источника — Божественного закона (*lex divina*), становясь, таким образом, предметом «сакральной» юриспруденции.

Например, учение Августина Аврелия о двух градах («*De civitate Dei*») объясняло социальные конфликты фундаментальным противоречием между Градом Земным (*civitas terrena*), основанным на частном интересе, и Градом Божьим (*civitas Dei*), основанным на Божественном законе [25]. С этой точки зрения конфликт стал следствием греховной природы человека и одновременно инструментом Божественного промысла. Практическим выводом из этой парадигмы стала разработка доктрины справедливой войны (*bellum iustum*), систематизированной Фомой Аквинским, которая устанавливала строгие критерии легитимного применения насилия (наличие обоснованной причины, подтверждение компетенции власти на объявление войны, преследование общечеловеческих целей) и, по сути, заложила основы принципов международного права по отношению к международным (глобальным) конфликтам.

Параллельно в средневековом обществе действовали светские механизмы урегулирования конфликтов на основе обычая. Институт кровной мести (Салическая правда, Русская Правда), основанный на талионе, был не хаосом, а санкционированным порядком восстановления общественного баланса (справедливости) [17]. Его эволюцией стала система композиций (вира, вергельд) — фиксированных имущественных компенсаций, что означало переход от личной мести к формализованному возмещению вреда и стало прообразом гражданско-правового деликта [10].

Таким образом, средневековая доктрина и практика сформулировала два ключевых принципа:

1) объективация оценки конфликта через надличностные критерии (божественные или рациональные);

2) формализация и процедурность разрешения споров через обращение к компетентному органу (суду) на основе регламентированных норм, даже если эти нормы включали сакральные элементы (ордалии, судебный поединок).

Дальнейшее развитие доктринальных идей об институте конфликта в эпохи Возрождения и Нового времени протекало через секуляризацию понимания конфликта и появление различных теоретических концепций представителей этих эпох.

Например, Н. Макиавелли легитимировал конфликт как имманентное состояние политики и объект прагматического управления с помощью власти и закона [19], что сместило фокус с проблематики, как избежать конфликта, на новый вопрос: «Как им управлять?».

Развитие общественных явлений, в том числе направление государственной политики и правовых норм, напрямую зависит от окружающих обстоятельств, присущих каждому историческому периоду.

Религиозные войны XVI–XVII веков, которые можно рассмотреть как конфликт конфессиональных правовых систем, стимулировали поиск рациональных, универсальных основ власти, выраженных в теориях общественного договора. В этой связи Т. Гоббс видел в конфликте (войне всех против всех) причину учреждения абсолютного суверена, монополизирующего право на принуждение, в связи с чем конфликт, по мнению исследователя, требует радикального государственного подавления для общественной безопасности и порядка [6].

В противовес позиции Т. Гоббса, Дж. Локк рассматривал государство как нейтрального арбитра, создающего процедурные рамки для правового разрешения споров, поскольку конфликт должен не устраняться, а регулироваться и разрешаться с помощью установленных и легитимных правовых норм [18].

Рассматриваемой исторической эпохе присущи и иные представления и идеи о социальном конфликте.

Ж.-Ж. Руссо связывал конфликты с частной собственностью и предлагал их преодоление через подчинение частной воли общей, что теоретически обосновывало примат коллективного суверенитета [27].

И. Кант обосновал право как априорную форму согласования свобод, где разрешение конфликта — это подведение случая под всеобщий закон, а справедливость обеспечивается беспристрастностью формы и процедуры [11].

Г. Гегель интегрировал конфликт в диалектику развития объективного духа, рассматривая его как движущую силу, которая разрешается в разумном государстве и системе позитивного права, возводящего частное во всеобщее [4, с. 207–245]. Конфликт получил позитивную интерпретацию как двигатель развития.

Таким образом, к концу XVIII – началу XIX века сложилась комплексная теоретическая модель, согласно которой конфликт признавался объективным

и неустранимым явлением, государство — легитимным монополистом на принуждение и арбитром, а право — основным инструментом институционализации и цивилизованного урегулирования противоречий.

XIX век стал периодом становления института конфликта как объекта строгого научного познания. Классическая социология предложила три фундаментальные перспективы.

Марксистская теория, опираясь на экономический детерминизм, объявила конфликт между классами, порожденный частной собственностью, движущей силой истории. Право при этом понималось как часть идеологической надстройки, инструмент легитимации господствующих производственных отношений [20].

Это направление поставило перед юридической наукой вопрос о классовой природе права.

Формальная социология в лице Г. Зиммеля сместила фокус на микроуровень социального взаимодействия, выявив позитивные функции конфликта: укрепление групповой идентичности, снижение общественного напряжения и стимулирование выработки новых норм. Предложенное автором разграничение между деструктивным конфликтом и регулируемым спором, по сути, заложило теоретическую основу для современных процедур альтернативного разрешения споров.

Со своей стороны М. Вебер предложил многомерную модель конфликта, согласно которой источник конфликта кроется в конкуренции за экономические блага, социальный статус и политическую власть [3, с. 301–320]. Автор подчеркивал роль легитимного господства и формально-рационального права как инструментов минимизации деструктивных столкновений, одновременно указывая на риски правового формализма и отчуждения.

В течение XX века сформировались ключевые исследовательские школы социального конфликта. Структурный функционализм в лице Т. Парсонса рассматривал конфликт как дисфункцию, угрозу равновесию системы [22, с. 194–236]. Неомарксистская теория (Р. Дарендорф), напротив, видела в конфликте неизбежный и конструктивный элемент социальной жизни, требующий институционализации через правовые процедуры и арбитраж [7]. Л. Козер, развивая идеи Зиммеля, систематизировал представление о позитивных функциях институционализированного конфликта как инструмента выявления и разрешения социальных противоречий, стимулирующего развитие правовой системы [13].

Таким образом, согласно западному духу развития теорий конфликта, общество, способное обеспечить легитимные формы выражения и разрешения конфликтов, оказывалось более гибким, устойчивым и жизнеспособным, нежели система, практикующая их тотальное подавление.

В советский период, несмотря на господство марксистско-ленинской идеологии, были заложены основы отечественной конфликтологии как нового научного направления. Значительный вклад в развитие конфликтологии внес В. С. Нерсесянц, разработавший либертарно-юридическую концепцию, где право понимается как форма свободы и равенства, а конфликты — как столкновения притязаний на свободу [16]. В. Н. Кудрявцев дал классическое

определение юридического конфликта, проанализировал его структуру, стадии и предложил развернутую типологию [15]. Ю. А. Тихомиров сосредоточился на изучении коллизий правовых норм как системного вида юридических конфликтов, обосновывая необходимость формирования коллизионного права [28].

Современные российские исследователи развивают эти идеи, фокусируясь на механизмах разрешения коллизий в публичном управлении, роли координации и применении альтернативных способов разрешения споров.

Например, в исследованиях В. П. Беляева и Б. Б. Бидовой, посвященных вопросам защиты национальных интересов и контрольно-надзорной функции, центральное место занимает концепция публичной координации. Ученые определяют ее в качестве основного инструмента предупреждения и разрешения правовых коллизий, представляя такую координацию как форму согласованного взаимодействия в правовой сфере [2]. По мнению исследователей, ее надлежащее нормативное закрепление позволяет минимизировать конфликтный потенциал в рамках сложных систем публичного управления.

Изучение механизмов управления юридическими конфликтами, включая альтернативные, которыми, в частности, занимается Т. В. Худойкина [30], отражает адаптацию юридической науки к реалиям, подчеркивая недостаточную гибкость традиционного судопроизводства для споров, где важны отношения или конфиденциальность.

Тем не менее современная эпоха ставит перед юридической конфликтологией принципиально новые задачи, требующие переосмысления традиционных категорий. На первый план выходят следующие проблемы:

1. *Киберконфликты.* Киберпреступность, информационное противоборство, утечки данных стирают географические и юрисдикционные границы, создают анонимных субъектов правонарушений, ставят под вопрос традиционные режимы доказательств и судебные процедуры. В настоящее время международная арена не представляет однозначных и реальных способов разрешения подобных конфликтов. Тем не менее попытки предотвращения и частичного снижения числа подобных конфликтов посредством нормативного регулирования на международном уровне все-таки принимаются, в частности недавно подписан ряд соглашений между Россией и Китаем, Китаем и США, Китаем и Великобританией о кибербезопасности, в рамках которых государства-участники обязуются не только сотрудничать, но и не допускать кибернападений на сторону соглашений [31]. Однако законодательство хронически отстает от темпов технологического развития.

2. *Глобальные юридические коллизии.* Климатические иски к государствам и корпорациям, деятельность транснациональных корпораций, регулирование миграции, контроль над космическими и цифровыми ресурсами порождают конфликты, для разрешения которых недостаточно национальных правовых систем. Требуется разработка наднациональных механизмов и поиск баланса между государственным суверенитетом и императивами глобальной справедливости и безопасности, а также тесное международное сотрудничество

большого числа государств, что довольно затруднительно в условиях повышенной международной напряженности.

Указанные вызовы знаменуют новый этап общественной трансформации, где юридический конфликт все более осознается как индикатор системных дисфункций и потенциальный ресурс для развития права. В текущих реалиях акцент смещается с пассивного разрешения споров на проактивное создание правовой международной среды, которая изначально минимизирует деструктивный потенциал противоречий и обеспечивает легитимные, гибкие и технологичные средства для их выявления и урегулирования.

Результаты исследования

Эволюция идей о понимании конфликта представляет собой процесс его десакрализации, рационализации и последующей юридизации. Данное явление прошло долгий путь становления от статуса космического закона или божественной кары и его осмысления как свойства человеческой природы и элемента социального устройства до утверждения в качестве автономного объекта профессионального научного познания и целенаправленного правового регулирования.

В процессе этой эволюции из широкой категории социального противоречия выделилось специфическое видовое понятие «юридический конфликт», под которым можно понимать особое правовое отношение, возникающее между субъектами права в связи с реализацией, применением или толкованием права и характеризующееся противоречием их интересов, охраняемых законом, целей и правовых позиций. Генезис такого типа противоречий неразрывно связан с процессами автономизации права как особой нормативной системы, его отделения от религии, морали и обычая.

Современная концепция юридического конфликта является синтезом исторических идей: античного понимания права как беспристрастного арбитра, средневекового критерия надличностной справедливости, доктрины общественного договора и социологического анализа его функций Нового времени.

В XX–XXI веках утвердился комплексный превентивно-трансформационный подход. Конфликт перестает восприниматься исключительно как негативный фактор, подлежащий искоренению или подавлению, и все более осознается как индикатор глубинных проблем правовой системы, диагностический инструмент и потенциал для ее обновления. Соответственно, стратегическая задача смещается от простого разрешения споров к проактивному проектированию такой правовой среды, которая минимизирует деструктивный потенциал противоречий и содержит встроенные легитимные механизмы для их трансформации в источник общественного развития.

Современные вызовы (цифровизация, глобализация) обуславливают новую волну трансформации концепции. Киберконфликты и глобальные коллизии

требуют выработки инновационных правовых механизмов, сочетающих традиционные гарантии справедливости с гибкостью, трансграничностью и технологичностью. Это актуализирует необходимость дальнейшего развития коллизионного права, международно-правового регулирования и интеграции альтернативных способов разрешения споров в цифровую среду.

Ответом на вызовы киберпространства и глобальных проблем должно стать дальнейшее развитие правовых механизмов, сочетающих традиционные гарантии справедливости с гибкостью, технологичностью и способностью к трансграничному регулированию. Понимание исторических корней и теоретического многообразия подходов к конфликту является необходимым фундаментом для такого развития, позволяя не просто реагировать на вызовы, но проактивно формировать правовую реальность, способную к устойчивому развитию в условиях неизбежных социальных противоречий.

Таким образом, историко-теоретический анализ не только раскрывает богатство интеллектуальной традиции осмысления конфликта, но и предоставляет концептуальный инструментарий для ответа на острые вызовы современности, подчеркивая, что понимание прошлого является ключом к построению эффективных правовых моделей будущего.

Список источников

1. Афанасьева В. К., Дьяконов И. М. Литература древней Месопотамии / пер. с аккад. М.: Алетейа, 2000. 456 с.
2. Беляев В. П., Бидова Б. Б. Правовые основы координации в сфере обеспечения национальных интересов // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2025. Т. 15. № 3. С. 10–19.
3. Вебер М. Избранное. Образ общества. М.: Юрист, 1994. 702 с.
4. Гегель Г. Философия права / пер. с нем. Б. Г. Столпнера. М.: АСТ, 2023. 544 с.
5. Гершинкова Д. А. Климатические судебные иски: зарубежный опыт и перспективы в России // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2021. Т. 17. № 3. С. 116–131.
6. Гоббс Т. Левиафан. М.: Мысль, 2001. 478 с.
7. Дарендорф Р. Элементы теории социального конфликта // Социологические исследования. 1994. № 5. С. 142–147.
8. Доватур А. И., Кессиди Ф. Х. Аристотель. Сочинения: в 4 т. Т. 4. М.: Мысль, 1983. 830 с.
9. Дынник М. А. Материалисты Древней Греции. М.: Госполитиздат, 1955. 239 с.
10. Золотарев А. Ю. Ордалии в англо-нормандское время // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2018. Т. 18. № 3. С. 314–318.
11. Кант И. К вечному миру: философско-исторические и политические сочинения. М.: РИПОЛ классик, 2019. 171 с.
12. Кессиди Ф. Х. Гераклит. М.: Мысль, 1982. 199 с.
13. Козер Л. Функции социального конфликта / пер. с англ. О. Назаровой. М.: Идея-пресс: Дом интеллектуальной книги. 2000. 205 с.
14. Кофанов Л. Л. Дигесты Юстиниана. Т. 1. Кн. I–IV. М.: Статут, 2002. 583 с.

15. Кудрявцев В. Н. Юридическая конфликтология (главы автора Кудрявцева В. Н.). М.: Юр. Норма, ИНФРА-М, 2016. 101 с.
16. Лапаева В. В. Либертарно-юридическая теория Владика Нерсесянца и ее вклад в развитие правовой теории и практики // Научный Арцах. 2025. № 2 (25). С. 11–27.
17. Лихачев Д. С. Библиотека литературы Древней Руси. Т. 4. XII век. СПб.: Наука, 2004. 685 с.
18. Локк Дж. Два трактата о правлении / пер. с англ. Е. С. Лазутина, Ю. В. Семенова. М.; Челябинск: Социум, 2014. 480 с.
19. Макиавелли Н. Государь / пер. Г. Д. Муравьева. М.: АСТ, 2022. 256 с.
20. Маркс К. Капитал / пер. с нем. С. Алексеева. М.: АСТ, 2019. 541 с.
21. Нерсесянц В. С. Политические учения Древней Греции. М.: Наука, 1979. 261 с.
22. Парсонс Т. О структуре социального действия. М.: Академический проект, 2002. 880 с.
23. Пашенцев Д. А. Антропология государства: очеловечивание правовой реальности как вызов Левиафану // Вестник МГОУ. Серия: Юриспруденция. 2020. № 3. С. 34–39.
24. Переломов Л. С. Конфуций: «Лунь юй». М.: Восточная литература, 1998. 588 с.
25. Сошников А. Е. Конфликт: историко-психологический анализ понятия // Известия Самарского научного центра РАН. 2008. № 6-2. С. 188–194.
26. Столяров А. А. О граде Божьем // Новая философская энциклопедия: в 4 т. Т. III. М.: Мысль, 2010. С. 117.
27. Сысоев Г. Д. Жан-Жак Руссо как политический мыслитель // Современные проблемы гуманитарных и общественных наук. 2021. № 3 (35). С. 80–88.
28. Тихомиров Ю. А. Коллизионное право: учеб. и науч.-практ. пособие. М.: Юринформцентр, 2000. 393 с.
29. Трунцевский Ю. В. Закон как код и прецизионное право в ракурсе датификации // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2021. Т. 17. № 1. С. 49–67.
30. Худойкина Т. В. Юридический конфликт: Теоретико-прикладное исследование: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.01. Нижний Новгород, 2002. 488 с.
31. Шхагапсоев З. Л., Бураева Л. А. Киберпреступность и киберконфликты в современной России // Проблемы в российском законодательстве. 2018. № 3. С. 48–50.

References

1. Afanasyeva V. K., Dyakonov I. M. Literatura drevney Mesopotamii / per. s akkad. M.: Aleteya, 2000. 456 p.
2. Belyaev V. P., Bidova B. B. Pravovye osnovy koordinatsii v sfere obespecheniya natsional'nykh interesov // Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo. 2025. T. 15. №. 3. S. 10–19.
3. Weber M. Izbrannoe. Obraz obshchestva. M.: Yurist, 1994. 704 s.
4. Hegel G. Filosofiya prava / per. s nem. B. G. Stolpnera. M.: AST, 2023. 544 s.
5. Gershinkova D. A. Klimaticheskiye sudebnyye iski: zarubezhnyy opyt i perspektivy v Rossii // Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya. 2021. T. 17. №. 3. S. 116–131.
6. Hobbes T. Levifan. M.: Mysl', 2001. 478 s.
7. Dahrendorf R. Elementy teorii sotsial'nogo konflikta // Sotsiologicheskiye issledovaniya. 1994. №. 5. S. 142–147.

8. Dovatur A. I., Kessidi F. Kh. Aristotel'. Sochineniya: v 4 t. T. 4. M.: Mysl', 1983. 830 s.
9. Dynnik M. A. Materialisty Drevney Gretsii. M.: Gospolitizdat, 1955. 239 s.
10. Zolotarev A. Yu. Ordalii v anglo-normandskoye vremya // Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Istoriya. Mezhdunarodnyye otnosheniya. 2018. T. 18. №. 3. S. 314–318.
11. Kant I. K vechnomu miru: filosofsko-istoricheskie i politicheskie sochinenia. M.: RIPOL klassik, 2019. 171 s.
12. Kessidi F. Kh. Geraklit. M.: Mysl', 1982. 199 s.
13. Coser L. Funktsii sotsial'nogo konflikta / per. s angl. O. Nazarovoy. M.: Ideya-press, Dom intellektual'noy knigi, 2000. 205 s.
14. Kofanov L. L. Digesty Yustiniana. T. 1: Kn. I–IV. M.: Statut, 2002. 583 s.
15. Kudryavtsev V. N. Yuridicheskaya konfliktologiya (glavy avtora Kudryavtseva V. N.). M.: Yur. Norma, INFRA-M, 2016. 101 s.
16. Lapaeva V. V. Libertarno-yuridicheskaya teoriya Vladika Nersesantsa i ee vklad v razvitiye pravovoy teorii i praktiki // Nauchnyy Artsakh. 2025. №. 2 (25). S. 11–27.
17. Likhachev D. S. Biblioteka literatury Drevney Rusi. T 4. XII vek. SPb.: Nauka, 2004. 685 s.
18. Locke J. Dva traktata o pravlenii / per. s angl. E. S. Lazutina, Yu. V. Semyonova. M.; Chelyabinsk: Sotsium, 2014. 480 s.
19. Machiavelli N. Gosudar' / per. G. D. Muravyeva. M.: AST, 2022. 256 s.
20. Marx K. Kapital / per. s nem. S. Alekseeva. M.: AST, 2019. 541 s.
21. Nersesyants V. S. Politicheskiye ucheniya Drevney Gretsii. M.: Nauka, 1979. 261 s.
22. Parsons T. O strukture sotsial'nogo deystviya. M.: Akademicheskiiy proekt, 2002. 880 s.
23. Pashentsev D. A. Antropologiya gosudarstva: ochelovechivaniye pravovoy real'nosti kak vyzov gosudarstvu // Vestnik MGOU. Seria: Yurisprudentsia. 2020. №. 3. S. 34–39.
24. Perelomov L. S. Konfutsy: Lun' yuy. M.: Vostochnaya literatura, 1998. 588 s.
25. Soshnikov A. E. Konflikt: istoriko-psikhologicheskiiy analiz ponyatiya // Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra RAN. 2008. №. 6-2. S. 188–194.
26. Stolyarov A. A. O grade Bozhyem // Novaya filosofskaya entsiklopediya: v 4 t. Vol. III. M.: Mysl', 2010. S. 117.
27. Sysoev G. D. Zhan-Zhak Russo kak politicheskiy myslitel' // Sovremennyye problemy gumanitarnykh i obshchestvennykh nauk. 2021. №. 3 (35). S. 80–88.
28. Tikhomirov Yu. A. Kollizionnoye pravo: ucheb. i nauch.-prakt. posobie. M.: Yurinformtsentr, 2000. 393 s.
29. Truntsevskiy Yu. V. Zakon kak kod i pretsizionnoye pravo v rakurse datifikatsii // Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya. 2021. T. 17. №. 1. S. 49–67.
30. Khudoykina T. V. Yuridicheskiiy konflikt: Teoretiko-prikladnoye issledovaniye: dis. ... d-ra yurid. nauk: 12.00.01. Nizhniy Novgorod, 2002. 488 s.
31. Shkhagapsoev Z. L., Burayeva L. A. Kiberprestupnost' i kiberkonflikty v sovremennoy Rossii // Probely v rossiyskom zakonodatel'stve. 2018. №. 3. S. 48–50.

Статья поступила в редакцию: 15.01.2026;
одобрена после рецензирования: 15.02.2026;
принята к публикации: 05.03.2026.

The article was submitted: 15.01.2026;
approved after reviewing: 15.02.2026;
accepted for publication: 05.03.2026.